

Основные положения доклада В. Н. Лазарева были развиты в выступлениях О. С. Поповой, М. А. Ильина, А. И. Комеча, О. И. Подобедовой.

Близким к тематике византийской Комиссии Конгресса оказался в ряде разделов доклад бельгийского ученого *Шарля Верлиндена* «Торговля на Черном море с начала византийской эпохи до завоевания Египта турками в 1517 г.», прочитанный в секции медиевистики. В докладе содержался раздел, посвященный русской торговле на Черном море, причем докладчик уделил главное внимание торговле русскими рабами, подчеркнув ее значительный размах.

В прениях по докладу А. Л. Хорошкевич отметила, что работорговля была в значительной мере побочным результатом татаро-монгольского ига. Рабы поступали в Тану обычно после татарских нападений на русские земли, население которых вводилось в плен. Торговля эта затрудняла хозяйственное развитие России, влияла отрицательно и на развитие экономики Европы, где работорговля способствовала в известной мере сохранению архаичных форм эксплуатации.

По мнению Е. Ч. Скржинской, Б. Цветковой (Болгария), докладчик сузил проблему русской торговли на Черном море, сведя все ее многообразие к одной лишь торговле рабами.

Споры вызвал доклад известного медиевиста и историка церкви *Френсиса Дворника* (США) «Миссии греческой и западной церковей на Востоке в средние века». Доклад был посвящен миссионерской деятельности византийской и католической церковей за тысячелетний период — с IV по XIV в. Интерес вызвала прежде всего попытка докладчика обобщить огромный фактический материал, ибо автор рассматривает проблему на широком фоне исторических событий и на огромном пространстве — от Адриатического моря до Тихого океана. Сопоставление обширного материала, сделанное в докладе, полезно и плодотворно, так как наглядно обнаруживает масштабы активности христианской церкви в средние века.

Однако миссионерская деятельность христианской церкви представляется Ф. Дворнику преимущественно как явление духовно-просветительское, тогда как на самом деле она была результатом политической деятельности Рима, Константинополя и других христианских центров. Миссионерская деятельность христианских церковей в докладе оказалась представленной как единый процесс, плавный поток взаимодействия христианства, с одной стороны, и нехристианского мира, подлежащего христианскому просвещению, — с другой. Цепь расколов, борьба течений и сект в истории христианской церкви, результаты которой сказывались на ходе миссионерской деятельности, — эти вопросы оказались вне поля зрения докладчика.

Тенденция к идеализации миссионерской деятельности, ее отрыв от политических целей христианской церкви — таков основной недостаток доклада Ф. Дворника, отмеченный его оппонентами В. Т. Пашуто, А. П. Кажданом, А. П. Новосельцевым, А. И. Роговым.

Р. А. Осипова

ДЕВЯТАЯ ВСЕСОЮЗНАЯ ВИЗАНТИНОВЕДЧЕСКАЯ СЕССИЯ В ЕРЕВАНЕ

Состоявшаяся 11—13 мая 1971 г. в Ереване девятая византиноведческая сессия подвела итоги развития советского византиноведения за два года, прошедшие со времени последней, восьмой конференции византинистов в Свердловске в октябре 1969 г. Сессия была организована Отделением истории АН СССР и Отделением общественных наук АН Армянской ССР. В ее работе приняли участие ученые Москвы, Ленинграда, Свердловска, Баку, Тбилиси, Еревана, Волгограда, Казани, Калинин, специалисты по истории Византии, Древней Руси, Грузии, Армении, археологи, литературоведы, искусствоведы, работники музеев и библиотек. На пленарных и секционных заседаниях было прочитано около 70 докладов. Одновременно работали четыре секции: истории и истории права; истории общественной мысли и литературоведения; источниковедения и вспомогательных дисциплин; археологии, архитектуры и истории искусства.

Конференция была посвящена основным проблемам истории Византии и пограничных с ней государств. Были рассмотрены наиболее спорные и малоизученные вопросы: 1) особенности византийского феодализма и специфика развития феодальных отношений в сопредельных странах; 2) взаимоотношения Византии с Древней Русью и государствами Закавказья; 3) история византийской культуры и ее взаимодействие с культурой народов Кавказа, Древней Руси и славянских стран.

Сессию открыл председатель Оргкомитета академик АН Армянской ССР *С. Т. Еремян* (Ереван). Он отметил большое значение изучения истории и культуры Византийской империи, поскольку она оказала огромное влияние на сопредельные с ней страны. Вместе с тем он подчеркнул невозможность исследования истории Византии независимо от истории соседних с нею народов; сыгравших определенную роль в ее жизни. В отличие от зарубежных ученых, уделявших внимание в основном политической истории Византии и истории византийской культуры, советские византинисты

главный акцент делают на исследовании социально-экономической истории империи, истории классовых борьбы и общественной мысли.

С приветственным словом к участникам конференции обратилась *З. В. Удальцова* (Москва), заместитель председателя Оргкомитета. Она с благодарностью вспомнила академиков *Е. А. Косминского*, *В. И. Пичету* и *М. Н. Тихомирова*, которые содействовали возрождению нашей дисциплины и были инициаторами созыва специальных научных сессий. *З. В. Удальцова* указала на традиционность византиноведческих конференций, являющихся фактором сплочения сил советских византинистов. По мере разворачивания византиноведческих исследований изменялась тематика этих совещаний, расширялся состав их участников. На сессиях ученые всегда дебатировали основные дискуссионные и малоизученные вопросы византиноведческой науки. Критичность выступлений участников совещаний помогала преодолевать недостатки в работе и идти вперед. Особо *З. В. Удальцова* отметила рост кадров византинистов в союзных республиках: в Армении, Азербайджане, Грузии, которым в настоящее время принадлежит видное место в исследованиях по византиноведению.

Одной из самых сложных и трудных проблем, почти не затронутых ранее в трудах советских византинистов, — типологии генезиса феодализма в Византии — был посвящен доклад *З. В. Удальцовой*. Докладчица попыталась теоретически осмыслить типологические особенности формирования феодализма в Византии. Ею был рассмотрен вопрос о принципах и критериях типологизации и подчеркнута определяющая роль социально-экономических факторов в создании типологии феодализма. Среди наиболее важных социально-экономических факторов типологизации, имеющих стабильное воздействие на формирование феодального строя, *З. В. Удальцова* выделяет: темпы развития производительных сил; структуру и форму собственности; степень воздействия природной среды в различных географических зонах. К менее стабильным факторам она относит: эволюцию и форму общины, структуру и темпы развития городов, взаимоотношения города и деревни, особенности феодальной вотчины, формы ренты, характер эксплуатации и классовой борьбы. Такие важные факторы, как демографический и этнический сдвиги, воздействие государства и эволюция форм государственности, внешние завоевания, а также идеологические явления (религия, идеология, культура, социальная психология), по мнению исследовательницы, бесспорно воздействуют на формирование того или иного варианта феодального общества. Но они еще мало стабильны и порою играют противоречивую роль.

В основу типологизации генезиса феодализма в Византии *З. В. Удальцова* ставит теорию феодального синтеза, впервые выдвинутую классиками марксизма-ленинизма. Типологическими особенностями генезиса феодализма в Византии докладчица считает более длительное, чем на Западе, сохранение рабства и рабовладельческих форм собственности; наличие синтеза протофеодальных элементов варваров, преимущественно славян, с ростками феодализма в Византии, что нашло отражение в создании общины Земледельческого закона; более длительное сохранение в Византии городов и более медленное разложение античного полиса; существование в ранней Византии централизованного государства, государственной собственности на землю и централизованных форм закрепощения крестьян. Эти типологические особенности определили характер феодальных институтов в Византии, где не было полной кристаллизации иерархической структуры собственности, системы вассалитета, феодальных дружин, субинфеодации и других черт вассально-ленной системы, нашедших наиболее яркое выражение в странах Западной Европы.

Сложный и малоисследованный вопрос о характере общества, предшествовавшего в Византии и на Западе феодализму, был рассмотрен в докладе *М. Я. Сюзюмова* (Свердловск). Он по-новому подходит к его решению. *М. Я. Сюзюмов* выдвигает концепцию «исторической ситуации». Ученый полагает, что в государствах Западной Европы и Ближнего Востока, образовавшихся на территории бывшей Римской империи и связанных прямо или опосредствованно своим развитием с античной цивилизацией, создается своеобразная «историческая ситуация», возникает особый, переходный, дофеодальный период, который не может быть отнесен ни к рабовладельческому, ни к феодальному строю. Докладчик утверждает, что для этого периода характерно преобладание свободного общинного крестьянства и господство мелкого хозяйства. Центральной фигурой в деревне становится свободный крестьянин, развитие феодализма происходит из общины и через общину. Дофеодальный период в Византии он датирует VII—XI вв.

М. Я. Сюзюмов негативно оценивает варварские вторжения. По его мнению, не могло быть и речи ни о каком союзе между восставшими рабами, колонами, разоренным крестьянством и варварами, которые зачастую выступали как союзники римской знати и использовались ею в качестве карателей против народных масс.

Проблема разложения античной городской собственности в Византии в IV—VII вв. была поставлена в докладе *Г. Л. Курбатова* (Ленинград). Основное внимание он сконцентрировал на выяснении значения внутригородской коллективной собственности в жизни ранневизантийского города, проследил этапы ее упадка и показал влияние этого процесса на изменение характера города.

Г. Л. Курбатовым были обобщены результаты многочисленных исследований и по-новому осмыслен накопленный за последние годы фактический материал по ис-

тории ранневизантийского города. Он нарисовал общую картину развития города в IV—VII вв. Докладчик полагает, что в IV в. городская община продолжала оставаться собственником значительной части внутригородской территории и многих внутригородских построек и имуществ. Это обеспечивало ей руководящую роль в городском хозяйстве. Анализ источников позволил сделать вывод о переходе в IV в. части внутригородских владений общины в собственность государства, что повлекло за собой ослабление античной полисной организации. В V в. отмечается углубление этого процесса. Значительная часть внутригородской собственности общины сосредоточивается в руках государства, отдельных лиц, церкви и корпораций. Городская община все больше теряет свое политическое и хозяйственное значение. По словам докладчика, ранневизантийский город постепенно утрачивал не только доходы, получаемые с подвластной ему сельской округи, но и собственную внутригородскую базу поддержания общественного хозяйства, характерную для античного полиса.

Г. Л. Курбатов утверждает, что окончательное исчезновение античной основы полиса произошло в VI в., и это привело к полному упадку городского хозяйства и превращению города в простую совокупность владений нескольких собственников, а население — в зависимое от них. Чаще всего таким собственником становится церковь. Вместе с тем Г. Л. Курбатов отмечает и возрастание роли государственной собственности в городах VI в. Все это, по его мнению, свидетельствует об умирании античного рабовладельческого полиса в VI—VII вв.

Характеристика состава господствующего класса в Византии XI—XII вв. была дана в докладе А. П. Каждана (Москва). Изучив данные всех источников указанного времени о семьях византийской знати, докладчик выделил в ней три главные группы, отличающиеся своим происхождением, общественными функциями и судьбами: 1) военную аристократию; 2) служилую аристократию — синклитиков; 3) лиц, «вознесенных царской милостью» и не оставивших после себя фамилии, в том числе евнухов и иноземных наемников. Он проследил также формирование социальной группы — царских родичей. А. П. Каждан дал социальный анализ господствующего класса, выяснил место различных группировок в администрации империи, их отношение к земельной собственности, происхождение. Это позволило ему прийти к выводу о том, что в XI—XII вв. происходит консолидация верхушки господствующего класса, которая монополизирует в своих руках военную администрацию государства и имеет тенденцию в XII в. превратиться в замкнутую группу семей, связанных системой браков. По мнению А. П. Каждана, эта группа — знать сравнительно молодая, происходившая из Малой Азии и Фракии, владевшая наиболее крупными поместьями. Она четко отделяет себя от так называемых синклитиков, возглавлявших гражданскую администрацию.

Одна из центральных проблем — проблема становления и развития феодальных отношений в Армении — была поднята в докладе С. Т. Еремян (Ереван). Он проследил основные этапы генезиса феодализма в Армении и охарактеризовал роль Византии в этом процессе. Эволюция феодального способа производства в Армении рассмотрена им в тесной связи с социально-экономическим развитием Византии. Феодальные отношения в Армении зародились в результате разложения рабовладельческой формации, и вызревание их протекало синхронно с кризисом рабовладения и падением Римской империи.

Историю Армении до XIII в. С. Т. Еремян разделил на три периода: дофеодальный (II—III вв.), раннефеодальный (IV—VIII вв.) и период зрелого феодализма (IX—XIII вв.).

По его мнению, во II—III вв. в недрах рабовладельческого общества зарождается и укрепляется феодальная собственность на землю. Крестьяне-общинники и рабы, посаженные на землю, постепенно превращаются в феодально-зависимое крестьянство. Утверждение феодального уклада сопровождалось крайним обострением классовой борьбы. Проявлением процесса феодализации Армении С. Т. Еремян считает образование крупных наследственных владений — нахарарств, феодальных по своему характеру. Все это, с его точки зрения, привело к сужению социальной базы династии Аршакидов и к ее падению в 428 г. В 387 г. Армения была разделена между Сасанидским Ираном и Восточной Римской империей. Отметив замедленность развития феодализма в византийской части Армении, С. Т. Еремян указал, что оно шло в общем русле складывания новых социально-экономических отношений в малоазиатских провинциях, подвластных Византии.

Рубежом, который отделяет дофеодальное общество от феодального, по словам докладчика, является падение армянского централизованного рабовладельческого государства. В IV—VIII вв. происходит формирование различных категорий феодальной собственности на землю и основных форм ренты. В докладе освещен вопрос о классовой борьбе в Армении, показано значение движений павликиан и тондракитов и большое внимание уделено борьбе армян и других народов Закавказья против иноземных захватчиков: Сасанидского Ирана, Византии и Арабского халифата.

С. Т. Еремян остановился на характеристике влияния арабского завоевания на процесс феодализации Армении. Он утверждал, что оно, хотя и задержало на целое столетие развитие феодальных отношений, внесло в них качественно новые моменты. В указанную эпоху наряду с наследственным землевладением складывается военно-ленное и укреп-

ляется церковно-монастырское землевладение, на которое распространяется налоговый и судебный иммунитет.

В заключении С. Т. Еремян ограниченлся констатацией дальнейшего развития феодальной собственности на землю в Армении в IX—XIII вв., в период зрелого феодализма.

Характеристика армянской мозаики IV—XV вв. дана в докладе *Б. Н. Арапеляна* (Ереван). Он перечислил известные в настоящее время армянские памятники мозаичной живописи и отметил, что на них оказали влияние два направления мозаичного искусства Византии: сиро-палестинское, отличающееся геометричностью и получившее распространение не только в восточных, но и в западных провинциях империи, и константинопольское, характеризующееся живописностью. Анализ художественных и стилистических особенностей сохранившихся армянских мозаичных памятников показал, что большая часть их принадлежит к сиро-палестинскому направлению.

В докладе *С. Г. Каухчипшвили* (Тбилиси) говорилось о необходимости использования грузиноведами и армяноведами византийских источников IV—XV вв., которые содержат весьма ценные сведения по истории Грузии и Армении и подтверждают данные армянских и грузинских памятников. Известия византийских авторов помогают правильно осветить ряд важнейших событий средневековой Грузии (принятие христианства в Западной Грузии в IV в., восстание армян и грузин в 571—572 гг.), дают богатый материал для характеристики грузино-византийских связей X—XI вв., для изучения истории культуры, *С. Г. Каухчипшвили* подчеркнул огромное значение дружбы армян и грузин, борющихся за свою независимость с Византией и Ираном. Именно совместные действия двух братских народов способствовали свержению персидского ига в 572 г.

Доклады, зачитанные на исторической секции, были посвящены отдельным вопросам социально-экономической и политической жизни Византии и соседних с ней стран.

В докладе *Е. Э. Липшиц* (Ленинград) анализировалась финальная формула, сохранившаяся в пятнадцати конституциях второго Кодекса Юстиниана, изданных в один и тот же день, 30 октября 529 г. Охарактеризовав формулу, докладчица выяснила ее специфику. По мнению *Е. Э. Липшиц*, особенность формулы состоит в том, что в ней, в отличие от субскрипций прочих конституций Кодекса, приведена не только дата издания законов, но и есть указание на их оглашение. *Е. Э. Липшиц* считает, что формула содержит важные для истории законодательства VI в. известия. В ней находятся точные данные о местонахождении нового консistorия Юстиниана в Константинополе. Торжественность формулы, по словам исследовательницы, указывает на принадлежность рассматриваемой группы законов к числу *leges generales*, подлежащих, по данным законов V в., оглашению (для их утверждения) в сенате или консistorии. Указанную особенность формулы *Е. Э. Липшиц* объясняет датой появления анализируемой группы законов: время их издания совпадает со смещением Фомы с поста квестора Священного дворца и заменой его Трибонианом, который и был редактором второго Кодекса Юстиниана. *Е. Э. Липшиц* полагает, что сохранение сведений об оглашении законов в субскрипции связано именно с этой датой, являющейся поворотным пунктом в карьере Трибониана.

О результатах изучения армянской редакции так называемого Сиро-римского судебногоника, дошедшего до нас на сирийском, армянском и арабском языках, доложил *Х. А. Торосян* (Ереван). Исследовав четыре существующих редакции Судебника, докладчик пришел к выводу о том, что все они не зависят друг от друга, а восходят к одному, общему для них греческому оригиналу. *Х. А. Торосян* считает, что первоисточник Судебника возник на востоке империи, в армянских сатрапиях, население которых было лишь отчасти эллинизировано, но сохранило национальную самобытность, автономию в управлении и имело прерогативу применения своего права. Он отметил, что в Судебнике наряду с римским правом имеются элементы местного, перимского права. Анализ этого права подтвердил точку зрения докладчика.

Эволюция терминов, применявшихся для обозначения рабов в ранневизантийском законодательстве, прослежена *Г. Е. Лебедевой* (Ленинград). Докладчица показала, что использование в Кодексах Феодосия и Юстиниана тех или иных терминов, определяющих рабов, почти всегда зависит от характера рассматриваемых отношений. Она выявила некоторые различия в терминах, обозначающих рабов, в зависимости от их принадлежности к различным группам населения и учреждениям. Вместе с тем *Г. Е. Лебедева* отметила стирание четкого терминологического разделения рабов в IV—VI вв. По ее мнению, в законодательстве этого периода усиливается унификация терминологии, наиболее употребительными становятся термины, просто указывающие статус рабов (*servus*).

Проблема социально-экономического развития египетского города византийского периода поднята в докладе *И. Ф. Фихмана* (Ленинград). В результате исследования папирологического материала из Оксиринха, «города папирусов», *И. Ф. Фихман* пришел к выводу, что Оксиринх — «типичный» египетский город, изучение которого помогает выяснению структуры и закономерностей развития большинства египетских городов. Ученый относит Оксиринх к группе средних городов. В нем, хотя он и не был крупным ремесленным или торговым центром, были представлены почти все отрасли производства при господствующей роли сельского хозяйства. По мнению автора, эконо-

мика города носила несомненно товарный характер, замкнутость хозяйства, автаркия не были свойственны даже крупным имениям. И. Ф. Фихман убедительно доказал, что основной формой хозяйства, в том числе и в крупных имениях, было мелкое производство, основанное на труде юридически свободного работника; рабский труд, и ранее не игравший особой роли, теперь полностью теряет свое значение в производстве. Докладчик отметил, что корпоративное движение, которому были присущи многие черты, предвещающие будущую средневековую цеховую организацию, хотя и достигло большого развития, но занимало подчиненное положение как по отношению к государственным властям, так и к крупным землевладельцам, наиболее влиятельной социальной силе, определявшей судьбу города.

Анализ социальной стратификации сенаторской знати Константинополя в первой половине VI в. дан в докладе А. А. Чекаловой (Москва). Она отметила большую пестроту и сложность состава столичной аристократии, куда наряду с представителями старой римской аристократии и потомками вельмож, выдвинувшихся в IV—V вв., входило много высочек, которым помог подняться случай или талант. Докладчица охарактеризовала экономическое и политическое положение сенаторов. Она показала, что сенаторы владели имениями, эргастериями и разнообразным движимым имуществом. По ее мнению, сенат в первой половине VI в. не играл существенной политической роли; активное участие в государственной жизни империи принесли лишь отдельные сенаторы.

Характеристика налоговой политики правительства Византии в X—XI вв. по отношению к заброшенным крестьянами и запустевшим землям содержится в докладе Г. Г. Литаврина (Москва). Докладчик рассматривает такие институты, как симпатии и класмы, эпиболэ и аллиенгий, которые, по его мнению, существовали одновременно, а не сменяли друг друга. Он считает их появление не какой-то существенной налоговой реформой, подорвавшей основы старой податной системы, а попыткой частичного подновления конструкции традиционного фискального «механизма» Византии. Г. Г. Литаврин полагает, что введение этих перемен определялось волей и интересами центральных и провинциальных чиновников фиска. Феодализация империи в X—XI вв. выразилась, по его словам, не только в росте крупного землевладения и в развитии разных форм крестьянской зависимости, но также в эррозии регулируемой законом иерархической структуры учреждений фиска.

Предварительные итоги изучения «Тактики Льва», памятника конца IX — начала X в., в связи с влиянием войны на византийскую экономику сообщил В. В. Кучма (Волгоград). Докладчик указал на неразработанность данной проблемы в специальной литературе и наметил пути ее дальнейшего изучения.

В докладе В. Д. Корольюка (Москва) шла речь о существовании в период раннего средневековья в Центральной и Юго-Восточной Европе так называемой «контактной зоны», находящейся между зоной синтеза (Византия, Далмация) и бессинтезной зоной (Русь, Польша, Чехия, полабо-прибалтийское славянство). Для «контактной зоны» характерны наличие античной этнической подосновы, сохранение континуитета в области материальной культуры, существование элементов синтеза античности и варварства. Специфичкой социально-экономического и этнического синтеза в указанном районе, по мнению В. Д. Корольюка, является взаимодействие трех культурно-хозяйственных типов: 1) пришлого кочевого, 2) местного пастушеского, 3) местного и пришлого (славянского) земледельческого, что, по его словам, сыграло важную роль в общем развитии названной зоны и обусловило существенные особенности этого культурного ареала.

Вопрос о внутреннем управлении городов Северной и Центральной Далмации в IX—XI вв. рассмотрен в докладе М. М. Фрейденберга (Калинин). На основании документов городских канцелярий докладчик приходит к выводу, что в городах в этот период существовала уже сложившаяся коммунальная организация, магистраты (трибуны, приоры, судьи) вербовались из нобилей, принимавших активное участие в городском управлении. Однако М. М. Фрейденберг не считает, что в коммунах возобладал аристократический, патрицианский характер. По его мнению, основная роль в решении главных вопросов городской жизни принадлежала общей сходке (*parlamentum*).

Во многих докладах была затронута проблема взаимоотношений Византии с соседними странами.

Взаимоотношения Византии и сельджуков в XI—XII вв. были рассмотрены в докладе Р. А. Гусейнова (Баку). По его мнению, именно в этот период решался вопрос о политическом гегемоне, путях и характере дальнейшего развития Передней Азии и Юго-Восточной Европы. Р. А. Гусейнов показал, какое значение для судеб этих областей имели поражения Византии при Манцикерте (1071 г.) и Мирюкефале (1176 г.). В результате победы сельджуков империя окончательно лишилась возможности восстановить свои владения и влияние в Закавказье, Малой Азии и Юго-Восточной Европе.

В ряде докладов были охарактеризованы взаимоотношения Византии с Кавказской Албанией, Азербайджаном, Ираном (Н. Гулиев, Ф. Дж. Мамедова, Р. В. Гегушев — Баку).

Взаимоотношения Византии и Арабского халифата в середине VII в. были освещены в докладе А. Н. Тер-Гевондяна (Ереван). Докладчик рассказал о завоевании арабами земель, принадлежавших Византии, создании на них опорных пунктов в борьбе

с империей и охарактеризовал начальный этап образования арабо-византийской пограничной области.

Доклад *К. Н. Юзбашяна* (Ленинград) был посвящен топонимике и топографии средневековой столицы Армении Ани в период византийского владычества. На основании сведений, извлеченных из исторических сочинений, колофона анийской рукописи 1298 г., эпиграфических и археологических источников, докладчик выдвинул совершенно новую точку зрения относительно локализации крепости Ани Нерки Берда, которую исследователи отождествляли либо с анийским Вышгородом, либо с районом, находившимся перед Вышгородом, к северу от него. По мнению *К. Н. Юзбашяна*, Нерки Берд — это полуостров на самой южной оконечности Ани, получивший позднее название Девичьей крепости. *К. Н. Юзбашян* предполагает, что Нерки Берд — историческое ядро города, с которого началась его застройка.

Характеристика деятельности выдающегося полководца и дипломата конца XI в. Филарета Варазнуни содержится в докладе *В. А. Арутюновой* (Ереван). Она выясняет причины возникновения и гибели государства Филарета, захватившего значительную территорию от Северо-Западной Армении до Средиземного моря (Сирию, Месопотамию, Киликию) и удерживавшего ее под своей властью более 15 лет. Главной причиной успеха Филарета, по мнению докладчицы, были не столько его личные дарования, сколько «междоусобица» в этой области после битвы при Манцикерте, когда турки-сельджуки еще не захватили названные территории, а Византия уже не могла их защитить. Причины гибели государства Филарета *В. А. Арутюнова* усматривает в его провизантийской политике, в постоянном вмешательстве в дела армянской церкви, в его халкидонитстве.

Многообразной была тематика докладов, посвященных истории византийской литературы.

Проблема использования античного наследия раннехристианскими авторами поставлена в докладе *Т. А. Миллер* (Москва). Она охарактеризовала диалог «Пир» писателя III—IV вв. Мефодия из Ликии, отличающийся от позднеантичных произведений того же жанра особой близостью к платоновскому тексту. До сих пор исследователи художественных особенностей «Пира» Мефодия, сопоставляя его с «Пиром» Платона, отмечали «слабость» Мефодия по сравнению с его классическим образцом и рассматривали произведение христианского автора как «трактат», приукрашенный и оживленный реминисценциями из Платона. *Т. А. Миллер*, изучив содержание «Пира» Мефодия, доказала, что он при создании своего произведения использовал собственную (неподражательную) художественную технику.

Анализ художественных особенностей сочинения Евсевия Кесарийского «Житие блаженного царя Константина» сделан *Т. В. Поповой* (Москва). Она показала, как Евсевий Кесарийский, следуя общему культурно-историческому движению того времени — «эллинскому возрождению», создает похвальное слово первому христианскому императору, ориентируясь на образцы древнегреческих панегириков. По ее мнению, в этом произведении, завершающем творческий путь писателя, Евсевием найдены новые возможности художественного выражения.

Характеристике романа Гелиодора «Эфиопики» посвящен доклад *Н. П. Зембатовой* (Москва). Одной из важнейших особенностей романа она считает совмещение двух различных истолкований событий: «истинного», или явного, и «ложного», или скрытого. В логическом плане «ложное» истолкование отвергается, но в образном плане оно входит в общую картину. Эти два плана докладчица проследила и в изображении главных героев «Эфиопик»: Феагена (природного эллина, потомка Ахилла) и Хариклии («варварки»). Брак их, по ее мнению, знаменует собой начало нового счастливого существования не только для них самих, но и для всей Эфиопии, приводя к отмене варварского обычая человеческих жертвоприношений.

Смысловая роль рефрена в культовых поэмах, так называемых кондаках, византийского поэта VI в. Романа Сладкопевца исследована в докладе *С. С. Аверинцева* (Москва). В полемике с *Х. Гродидье де Матонем*, издателем Романа, и рядом других западноевропейских ученых докладчик показал, что кондаки Романа были не версифицированными проповедями, а настоящими поэтическими произведениями. *С. С. Аверинцев* рассматривает соотношение между основным текстом кондака и его рефреном. По его мнению, рефрен, как правило, выражает художественный смысл не прямой формулировкой, но всем своим художественным соотношением с текстом. *С. С. Аверинцев* полагает, что противоречивость смыслового соотношения между рефреном и основным текстом — не простая несуразность, но содержательное и художественно плодотворное напряжение между двумя смысловыми полюсами, пластически соответствующее антиномиям христианского мировоззрения.

Фольклорные черты в житии Филарета Милостивого охарактеризованы в докладе *С. В. Поляковой* (Ленинград). Она доказала, что образ и жизнеописание Филарета строятся по хорошо известному трафарету сказок о дураке-счастливице. По ее мнению, черты комического фольклора проникали в житие помимо сознания составителей, не догадывавшихся, что они повторяют готовые трафареты.

Вопрос об отношении христианских святых к астральным божествам языческого мира, о метафорическом значении света и огня в песнопениях о Георгии-великомученике поставлен в докладе *Л. С. Квирикашвили* (Тбилиси). Анализ данных

древнегрузинской гимнографии позволил ей высказать мысль о замене в христианской Грузии главного языческого божества — Луны — св. Георгием.

Проблема происхождения и времени создания византийского эпоса о Дигенисе Акрите исследуется в докладе *Р. М. Бартияна* (Ереван). Анализ содержания эпоса дает возможность докладчику установить, что в нем идет речь не о переходе арабов на сторону империи, а о возвращении в Византию еретиков-павликиан во главе с эмиром города Эдессы Мусуром, сыном Хрисохира. Это произошло при Льве VI, который начал проводить по отношению к павликианам новую политику, суть которой заключалась в использовании еретиков для борьбы с внешними врагами империи и присоединении мирным путем земель, еще находившихся в их руках. Изучение эпоса о Дигенисе Акрите привело *Р. М. Бартияна* к выводу о том, что в его основу были положены появившиеся в середине IX в. народные песни, воспевающие героев-павликиан Хрисохира, Карбеаса, их союзника арабского эмира Мелитены Омара (Амбрана) и других. *Р. М. Бартияна* считает, что византийский эпос о Дигенисе Акрите окончательно сложился в середине X в. среди грецизированной населения Западной Армении.

Взаимоотношения Михаила Пселла с современниками, и прежде всего с Иоанном Ксифилином, освещены в докладе *Я. Н. Любарского* (Ленинград.) Их отношения в молодости, когда Пселл и Ксифилин принадлежали к кружку молодых интеллектуалов при дворе Константина Мономаха, *Я. Н. Любарский* характеризует как «ученую дружбу» гуманистического типа. Докладчик показал, что с середины 60-х годов XI в. Иоанн Ксифилин отходит от прежних позиций и сближается с церковно-аскетическими кругами. Это, по его словам, предопределило изменение отношений Ксифилина и Пселла, который сначала защищается от нападок первого, а затем сам критикует его с позиций христианского гуманизма. *Я. Н. Любарский* считает, что во всех перипетиях отношений с Ксифилином «изменяемый» Пселл занимает постоянную позицию, определяемую его мироощущением, в то время как Иоанн Ксифилин продельывает значительную эволюцию.

Проблемы изучения творчества одного из крупнейших византийских писателей XII—XIII в. Михаила Хониата подняты в докладе *И. С. Чичурова* (Москва). Он указал на недостаточную разработанность этих вопросов и обратил внимание на необходимость исследования творчества Михаила Хониата как литературного процесса, изучения рукописной традиции и публикации его неизданного наследия. Одновременно докладчик отметил ценность сочинений Хониата как источника по аграрной истории Византии.

Доклад *Т. М. Соколовой* (Москва) посвящен жанру Менипповой сатиры в византийской литературе XII в. Изучив диалог Феодора Продрома «Продажа жизней поэтов и политических деятелей» и сравнив его с диалогом Лукиана «Продажи жизней», докладчица приходит к заключению, что византийский автор заимствовал у античного сатирика только внешнюю традиционную форму, наполнив ее новым содержанием. По мнению *Т. М. Соколовой*, византийская сатира как один из жанров средневековой греческой литературы не оставалась косной и неизменной, но развивалась с течением веков.

Литературно-критические сочинения Феодора Метохита были охарактеризованы *Л. А. Фрейберг* (Москва). Сравнив работы Феодора Метохита с критическими произведениями его предшественников, она приходит к выводу, что в сочинениях Метохита содержится принципиально иной подход к творчеству разбираемого автора. Он, по мнению *Л. А. Фрейберг*, ставит своей задачей по возможности полно раскрыть образ мысли и дать общие оценки исследуемого им писателя.

Политические доктрины времен Андроника II рассмотрены в докладе *В. А. Сметанина* (Свердловск). Анализ данных источников XII—XIII вв. (произведений Феодула Магистра, Никифора Хумна, Феодора Метохита и др.) позволил ему сделать заключение о росте политического самосознания византийцев: наряду с наличием традиционных взглядов (Византия — мировая держава, ромей — великий народ, правление императора — залог всеобщего спасения и т. п.) наблюдается критическое отношение к существующим порядкам. В этот период резкого ухудшения внутренней и внешней обстановки в империи раздаются резкие обличения равнодушия правящих классов к судьбам государства и народа, выдвигаются требования пересмотра положения о неподчиненности императора закону и подвергается критике система наемничества. Однако, по словам *В. А. Сметанина*, интеллектуальные силы Византии не смогли найти выход из тупика, в котором оказалась империя в указанное время.

Анализ мировоззрения византийского историка XIII в. Георгия Акрополита содержится в докладе *П. И. Жаворонкова* (Москва). Докладчик рассмотрел философские, этические и религиозные взгляды Акрополита и особенно подробно охарактеризовал его социально-политические взгляды. *П. И. Жаворонков* выяснил его отношение к никейским императорам, варварам и простому народу. По мнению автора, Георгий Акрополит был типичным выразителем интересов феодальной знати.

Подробная характеристика взглядов византийских историков XIII—XV вв. на Трапезундскую империю дана в докладе *С. П. Карпова* (Москва). Докладчик детально проследил эволюцию этих взглядов. Он убедительно показал, как в византийской историографии пробивала себе дорогу тенденция признания независимости Трапезунда и права его правителей на императорский титул. Историки XIII в. (Никита

Хоннат, Николай Месариг, Георгий Акрополит, Георгий Пахимер) отрицательно относились к факту существования независимого Трапезунда и не считали законными его властителей. Однако постепенно положение изменилось. Писатели XIV—XV вв. (Никифор Григора, Сфрандзи, Дука, Халкокондил и Критовул) стали смотреть на Трапезунд как на самостоятельное государство, а его государей называть Великими Комнинами—титолом, равнозначным титулу византийского василевса.

Анализ энкомия («похвального слова»), написанного Николаем Кавасилой, одним из видных византийских писателей середины XIV в., и посвященного Матфею, старшему сыну Иоанна Кантакузина, дан в докладе *М. А. Поляковской* (Свердловск). Подчеркнув риторический характер энкомия, она показала ценность его как исторического источника. По ее мнению, в этом произведении содержатся данные, позволяющие судить о политических настроениях и симпатиях Николая Кавасилы. В политической непоследовательности его *М. А. Поляковская* усматривает не изворотливость и приспособленчество, а верность идеалу «справедливого правителя», «идеального архонта».

Характеристика мировоззрения византийского историка XV в. Дуки содержится в докладе *С. К. Красавиной* (Казань). Докладчица считает, что в целом оно не выходило за рамки традиционной концепции провиденциализма; но было лишено фанатического догматизма. Вместе с тем она отмечает критическое отношение Дуки к окружающей действительности, интерес к вопросам социально-экономической истории, трезвый подход к политическим проблемам своего времени. Все это, по ее мнению, вносит новую струю в традиционное историческое мышление Византии.

Критический разбор всей новейшей зарубежной литературы об экономических воззрениях Плифона дан в докладе *И. П. Медведева* (Ленинград). Он попытался заново рассмотреть социально-экономические постулаты Плифона, поставить их в связь со всей совокупностью его философских идей, неоплатонических по своей природе и источникам. *И. П. Медведев* убедительно показал, что на основные положения плифоновской «политической экономии» наслонились также сугубо средневековые представления феодала о собственности и сословной принадлежности.

Проблемы греческой, армянской, грузинской и русской палеографии, кодикологии, сфрагистики, нумизматики, текстологии, лексикографии и гимнографии были освещены в докладах, заслушанных на секции источниковедения и вспомогательных дисциплин.

В докладе *З. Г. Самодуровой* (Москва) был дан обзор вышедших в 1945—1971 гг. работ, посвященных изучению хранящихся в собраниях Советского Союза греческих рукописей. Докладчица охарактеризовала задачи и основные направления в исследовании византийского рукописного наследия, отметила успехи, достигнутые советскими византистами в послевоенные годы, и обратила внимание на необходимость дальнейших исследований в этой области.

О собраниях греческих кодексов Варшавы и Кракова рассказал *Я. Н. Шапов* (Москва). Он охарактеризовал коллекции рукописей библиотеки Вроцлавского университета, Национальной библиотеки в Варшаве, Ягеллонской библиотеки и библиотеки им. Чарторыйских, а также перечислил отдельные манускрипты, хранящиеся в библиотеках Варшавского университета, Архиве древних актов и Главном архиве древних актов. Докладчик проследил историю создания названных собраний, выделил наиболее замечательные рукописи и привел их библиографию.

О работе, которую ведут грузинские специалисты под руководством *С. Г. Каухчишвили* по составлению византийско-грузинского документированного словаря, доложила *Л. С. Церетели-Миминошвили* (Тбилиси). Главное отличие этого словаря от двуязычных и толковых словарей заключается в том, что он строго документирован. Основным источником для его составления служат переведенные с греческого на древнегрузинский язык памятники, как опубликованные, так и рукописные, хранящиеся в музеях и архивах Грузии.

О результатах изучения содержащейся в греческой рукописи Библиотеки Академии наук СССР в Ленинграде переводной арабской хроники Евтихия Александрийского, отличающейся от известного перевода Христулула, доложила *И. Н. Лебедева* (Ленинград). По ее мнению, перевод был выполнен до 1702 г. и происходит из румынско-константинопольского культурного очага.

Анализу греческих автографов Максима Грека был посвящен доклад *Б. Л. Фонкича* (Москва). Путем сравнения почерков Максима Грека и Михаила Триволиса *Б. Л. Фонкич* подтвердил гипотезу *И. Денисова*, предположившего, что Максим Грек и Михаил Триволис — одно и то же лицо.

Методы и принципы переводов Максима Грека были охарактеризованы *Н. В. Силицыной* (Москва). Она доказала, что Максим Грек всегда старался найти наиболее точные эквиваленты для терминов и понятий, критически относился к тексту. Все это, по ее мнению, оказало влияние на последующее развитие русской культуры.

Проблема соотношения греческого и грузинского текстов романа о Варлааме и Иоасафе поднята в докладе *Н. Н. Гаприндашвили* (Тбилиси). Изучение греческой версии по хранящемуся в Отделе рукописей Государственного исторического музея в Москве кодексу XI в., переписанному, по мнению *Н. Н. Гаприндашвили*, Феофаном Грузином, и сравнение ее с текстом, изданным у Миня, и грузинскими вариантами привели докладчика к выводу о существовании греческого текста романа разного объема. Он считает, что первоначально роман был более кратким, впоследствии же в Византии

он был расширен христианско-религиозными пассажами и достиг довольно значительного размера.

Уже давно занимавший ученых вопрос о так называемых «хионах» рассмотрен в докладе *Г. М. Прохорова* (Ленинград). Хотя докладчик и присоединился к мнению *И. Мейендорфа*, что «хионами» в Византии называли людей, обратившихся из христианства в иудаизм, «жидовствующих», он считает, что «хионе» не могли быть правоверными талмудическими иудеями. По его словам, они могли быть схизматиками в иудаизме, караимами. Сопоставив данные о «хионах» со сведениями о русских «жидовствующих» XV—XVI вв., *Г. М. Прохоров* отметил много общего между теми и другими, что позволило ему согласиться с мыслью *И. Мейендорфа* о византийской основе этой ереси у славян.

Одна из сложных проблем арменоведения — проблема критики текста «Истории Армении» Агафангела, ценнейшего источника ранней армянской истории, — была рассмотрена в докладе *П. М. Мурадяна* (Ереван). Он отметил, что до сих пор не решены вопросы, является ли армянский текст оригиналом или переводом с сирийского или греческого, единое это произведение или свод самостоятельных сочинений, насколько первоначально армянская редакция. Для восстановления древнего армянского текста «Истории Армении» Агафангела докладчик считает необходимым привлечь, наряду с армянским текстом из палимпсеста IX—X вв., греческими и арабскими версиями, также и фрагменты унциальных рукописей Матенадарана и древнегрузинский перевод, восходящий к армянскому оригиналу и сохранивший один из первоначальных вариантов. По его мнению, унциальные фрагменты содержат более древний текст, чем тот, которым пользовались до настоящего времени армянские ученые. *П. М. Мурадян* систематизировал их, разработал приемы критики текста «Истории Армении» Агафангела и наметил пути дальнейшего его исследования. По словам автора, необходимо первоначально подготовить армянский критический текст с сохранением особенностей древнейших списков, затем перевести и изучить греческие и грузинские варианты, подвергнув их критике с учетом арабских версий; только после этого будет возможно реконструировать текст армянского оригинала «Истории Армении» Агафангела.

Армяно-византийским музыкальным связям в эпоху раннего средневековья посвящен доклад *Н. К. Тагмизяна* (Ереван). Он остановился на характеристике влияния Византии на культуру Армении. Докладчик показал, что армяне не просто заимствовали достижения византийской науки и культуры, но активно перерабатывали заимствованное и внесли ценный вклад в развитие восточнохристианского искусства. В первые века новой эры армяне приняли участие в разработке основ церковного пения. В V в. отцы армянской церкви составили оригинальный по структуре Псалтирь—Часослов—Восьмигласник, разделенный на восемь канонов, тем самым способствовал развитию теории христианской музыкальной культуры. Кроме того, в Армении был разработан мелизматический стиль пения.

Анализ армянских вариантов календарных кругов и таблиц Андрея Византийского, ценного памятника по истории раннехристианского календаря, греческий оригинал которого не сохранился, дан в докладе *А. Г. Абрамяна* (Ереван). Он определил время перевода на армянский язык данного календаря, введенного в IV в. в ряде стран, принявших христианство. По мнению *А. Г. Абрамяна*, эти таблицы были переведены не ранее 353 г., но и не позднее 380 г. и являются древнейшими фрагментами переводной древнеармянской литературы, обнаруженными среди рукописей Матенадарана.

Анализ печатей эрмитажной коллекции, принадлежавших представителям армянского рода Теодораканов (X—XII вв.), дан в докладе *В. С. Шандровской* (Ленинград). Ею введены в научный оборот печати, легенда которых содержит неизвестные ранее сведения. Сопоставив данные сфрагистики и свидетельства письменных источников, докладчица выявила ряд новых важных известий по истории взаимоотношений Византии с Арменией и особенно с Киликийским царством.

Важная, но совершенно не исследованная проблема датировки печатей поставлена в докладе *И. В. Соколовой* (Ленинград). Основным критерием датировки, по ее мнению, является стиль изображения на печатях, ибо он ограничен местом и временем. Сравнив изображения на печатях с данными политической истории, *И. В. Соколова* выявила печати стратигос Херсона, что дало новый материал по истории этого региона.

О находках монет в Азербайджане, проливающих свет на взаимоотношения Азербайджана с Византией, сделал доклад *А. Раджабли* (Баку). По его мнению, широкое распространение византийских монет в Азербайджане в VII и XI вв. свидетельствует о далеко идущих политических целях империи. Сокращение числа монет и даже полное их отсутствие в VIII—X вв. докладчик объясняет падением влияния Византии в Азербайджане в связи с усилением Арабского халифата.

Большинство докладов секции археологии, архитектуры и истории искусства было посвящено изучению проблемы взаимоотношений искусства Византии и искусства соседних с ней народов. В центре внимания находились вопросы творческой переработки византийского художественного наследия и создания на этой основе национального стиля.

Особенности византийского художественного серебра XIV в. были охарактеризованы в докладе *А. В. Банк* (Ленинград). Анализ памятников выявил принципиальное отличие в оформлении византийских серебряных изделий палеологовского времени не

только по сравнению с ранним этапом развития среброделия (VI—VII вв.), но и с произведениями X—XII вв. Докладчица указала на появление в рассматриваемый период новых излюбленных приемов оформления. Анализ специфических особенностей филигрانی, ее орнаментальных элементов позволил ей сгруппировать целую серию памятников, изготовленных в исследуемую эпоху, скорее всего, в Константинополе, и дал исходный материал для датировки и локализации многих других произведений А. В. Банк отметила влияние восточного и западного, итальянского, искусства на Византию и воздействие последней на них.

Вопросы датировки и локализации византийских амулетов рассмотрены в докладе В. Н. Залесской (Ленинград). Ею изучены три группы памятников: 1) амулеты IV—VI вв.; 2) амулеты-змеевики X—XI вв. и 3) амулеты-змеевики XI—XII вв., имеющие более сложную змееобразную фигуру. Она проследила связь амулетов первой группы с гностическими представлениями и гностической литературой. Исследование изображений и характера заклинательных формул позволило В. Н. Залесской выделить две различные группы змеевиков — одну, связанную с магическим трактатом «*Testamentum Solomonis*», другую — с заклинательными молитвами, имевшими хождение в Византии в XI—XII вв. Анализ всех трех видов амулетов дал возможность докладчице выявить последовательную смену магических представлений, начиная от заклинаний, идущих от учения гностиков, и кончая развитой средневековой магией.

Архитектурной композиции Софии Константинопольской был посвящен доклад А. И. Колмача (Москва). Он уделил особое внимание построению экседра и определению их роли в общей структуре здания. Это позволило ему выяснить основные композиционные идеи строителей, проследить развитие архитектурного замысла как бы изнутри и в некоторой степени реконструировать рабочий метод зодчих: Анфимия из Тралл и Исидора из Милета.

Проблема возникновения и развития монументальной архитектуры средневековой Армении рассмотрена в докладе А. Л. Яковсона (Ленинград). Отметив определенное влияние монументальной архитектуры Сирии на Армению в IV—V вв., в эпоху распространения христианства, докладчик доказал, что привнесенные в Армению сирийские художественные формы в значительной степени были переработаны армянскими зодчими в соответствии с новыми задачами создания максимально объединенного внутреннего пространства. Все это, по его мнению, свидетельствовало об образовании в Армении на заре средневековья архитектурной школы со своими архитектурно-художественными принципами.

Описание ктиторского рельефа возведенного в конце V в. Текорского храма, разрушенного в 1912 г. сильным землетрясением, дано в докладе С. Х. Мнацаканяна (Ереван). Он считает, что Текорский рельеф является одним из древнейших в ранне-средневековой Армении и в композиционном отношении представляет собой одну из ступеней развития ктиторского рельефа вообще.

Проблема отражения образного восприятия действительности, характерного для местного населения, в армянской ранне-средневековой иконографии исследована в докладе Л. Р. Азаряна (Ереван). Докладчик отмечает, что воспроизведение библейского сказания о Данииле в иконографических памятниках Армении IV—VII вв., помимо религиозно-догматической, имеет также и тесно связанную с армянской действительностью историческую основу. Тему Даниила на этих памятниках он рассматривает как выражение освободительных устремлений, направленных против внешнего врага, и подъема национального самосознания армянского народа.

Проблема влияния византийского ювелирного искусства на армянские памятники художественного серебра по-новому освещена в докладе А. Я. Каковкина (Ленинград). Анализ материала, собранного исследователями в последние годы, позволил докладчику пересмотреть взгляды, господствующие в специальной литературе, по вопросу о сильном влиянии Византии на армянское среброделие. По его мнению, отдельные армянские мастера бесспорно ориентировались на Византию, а порою прямо копировали византийские памятники. Однако большинство произведений ювелирного искусства Армении независимо от стилистическом отношении от греческих образцов. А. Я. Каковкин отметил своеобразие армянских памятников по сравнению с византийскими в иконографической трактовке отдельных персонажей и целых сцен.

Описание четырех вновь обнаруженных защитных листов рукописей Матенадарана с «византизирующими» миниатюрами XI в. — периода общего подъема искусства Армении — дано в докладе Т. А. Измайловой (Ленинград). По ее мнению, анализируемые миниатюры позволяют говорить о параллелизме, но не о полном совпадении моделей в византийском и армянском искусстве. Однако докладчица не отрицает и прямого влияния Византии.

Результаты изучения творчества выдающегося армянского миниатюриста XIII—XIV вв. Авага доложила Л. Дз. Закарян (Ереван). Она пришла к выводу, что на него оказало большое влияние византийское искусство эпохи Палеологов.

Анализ изображения богоматери на оборотной стороне знаменитой кремлевской иконы XII в. «Св. Георгий» дан в докладе О. С. Поповой (Москва). Сравнив его с широким кругом византийских изображений богоматери палеологовской эпохи, докладчица приходит к выводу, что исследуемая икона создана в середине XIV в. на Руси,

вероятнее всего в Новгороде, греческим мастером в результате «поповления» им древней русской двусторонней иконы XII в.

Связанные с историей иконоборчества миниатюры Киевской псалтири 1397 г., хранящейся в Гос. публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, были исследованы В. Д. Лихачевой (Ленинград). По ее мнению, появление иконоборческих тем в древнерусской рукописи XIV в. свидетельствует о существовании византийского прототипа, использованного при ее создании.

Вопрос о происхождении неовизантийского орнамента в славянских рукописных книгах XIV — начала XV в. был поставлен в докладе Г. И. Вздорнова (Москва). Изучив сербские, болгарские, румынские и русские манускрипты, выявив точно датированные и локализованные кодексы, докладчик пришел к заключению, что неовизантийская орнаментика зародилась в середине XIV в. в книгописных мастерских завоеванной сербами Македонии и в скрипториях при дворе болгарского царя Иоанна-Александра. Отсюда неовизантийский стиль проник в южные области Сербии, на Афон, в Молдавию и на Русь. По мнению Г. И. Вздорнова, появление нового орнамента в русских книгах непосредственно связано с волной второго южнославянского влияния на русскую культуру в XIV—XV вв.

О работе комиссии по византиноведению на XIII Международном конгрессе исторических наук (август 1970 г.) доложила К. А. Осипова (Москва).

Р. А. Наследова (Москва) рассказала о публикациях в сборнике «Византийский временник» и итогах работы его редколлегии за последние десять лет.

Ереванская конференция, прошедшая на высоком научном уровне, продемонстрировала успехи, достигнутые советскими учеными в исследовании проблем византийского феодализма, истории культуры и искусства Византии и сопредельных с ней стран, а также выявила вопросы, нуждающиеся в дальнейшей углубленной разработке.

З. Г. Самодурова

XIV МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ВИЗАНТИНИСТОВ В БУХАРЕСТЕ

6—12 сентября 1971 г., спустя пять лет после происходившего в сентябре 1966 г. Оксфордского конгресса, в Бухаресте был созван очередной, XIV Международный конгресс византинистов.

Бухарестский конгресс, приуроченный к столетию со дня рождения выдающегося румынского историка и византиниста Н. Йорги, по инициативе которого в 1924 г. в Бухаресте был созван I Международный конгресс византинистов, явился заметным событием в политической и культурной жизни Румынии. На церемонии открытия конгресса было зачитано адресованное его участникам послание Председателя Государственного Совета СРР Николае Чаушеску. В один из последних дней работы конгресса для его участников в правительственном дворце приемом был устроен большой прием, данный Николае Чаушеску. Работа конгресса освещалась в румынской прессе, а также по радио и телевидению.

В работе XIV Международного конгресса византинистов участвовало около 650 человек из 32 стран: Австралии, Австрии, Албании, Англии, Бельгии, Болгарии, Венгрии, ГДР, Греции, Дании, Египта, Израиля, Ирландии, Испании, Италии, Канады, Кипра, Нидерландов, Польши, Португалии, Румынии, Сирии, СССР, США, Турции, Франции, ФРГ, Чехословакии, Чили, Швейцарии, Швеции, Югославии.

Конгресс явился свидетельством дальнейшего расширения научных исследований в области византиноведения в различных странах мира. В Бухарест приехали византинисты из Албании, Ирландии, Испании, Португалии, Сирии, Чили, Швеции, отсутствовавшие на Оксфордском конгрессе.

Значительно более многочисленными были делегации ученых Греции, Болгарии, США, Италии, Франции, Югославии, ФРГ, Австрии, ГДР, Чехословакии, Румынии; шире были представлены Нидерланды, Бельгия, Турция, Дания, Швейцария, Кипр, Венгрия, Канада.

Делегация Советского Союза состояла из 32 человек. Руководителем делегации являлся чл.-корр. АН СССР В. Н. Лазарев, заместителем руководителя — доктор исторических наук З. В. Удальцова. Членами делегации были византинисты Москвы (А. П. Каждан, К. А. Осипова, Р. А. Наследова, З. Г. Самодурова, О. И. Подобедова, Я. Н. Шапов, С. С. Аверинцев, Н. В. Симицына, И. С. Чичуров, А. А. Чекалова, Т. М. Соколова), Ленинграда (Г. Л. Курбатов, А. В. Банк, Т. А. Измайлова, К. Н. Юзбашян, В. С. Шандровская, И. П. Медведев, О. А. Белоброва, И. В. Соколова, Г. М. Прохоров, В. Д. Лихачева, В. Н. Залесская), Тбилиси (М. Д. Лордкипанидзе, Н. А. Аладашвили, Г. В. Алибегашвили, Н.-М. Мургулия), Еревана (Р. М. Бартиян, В. А. Арутюнова), Баку (Р. А. Гусейнов), Свердловска (М. А. Поляковская).

В работе конгресса приняли участие византинисты из всех наиболее значительных византиноведческих центров различных стран: из Франции — П. Лемерль, Э. Арвейлер, Н. Зворнон, Ж. Даррузес, А. Гийу и др., из США — И. Шевченко, П. Харанис, И. Мейендорф, К. Манго, П. Александер и др., из Греции — Д. Закитинос, И. Караяннопулос, Л. Врануссис, Э. Вранусси, Л. Политис и др., из Англии —